

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

Наши завоеванія въ Средней Азіи и занятіе Туркестана, Кокана и другихъ мѣстъ, заставили насъ столкнуться и познакомиться съ новою средою инородцевъ, жившихъ своею жизнью, имѣвшихъ свою культуру и представлявшихъ много оригинальныхъ явленій. Этотъ инородческій міръ азіатцевъ представлялъ массу типовъ, которые уловить и понять намъ не всегда удавалось. Здѣсь были свои вожди, своя интеллигенція, аристократія, свои дипломаты, политики, честолюбцы, герои и авантюристы.

Мы познакомимъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей азіатцевъ, котораго многіе хорошо помнятъ. Эта сила, къ сожалѣнію, въ переходное время была дурно направлена и причинила много затрудненій и своимъ собратьямъ и намъ. Разгадать ее удалось не съ разу. Эта звѣзда имѣла свое время, она достигла высшей точки на своемъ горизонтѣ, а затѣмъ имѣла свое паденіе и закатъ. Мы имѣемъ въ виду воскресить нѣкоторыя воспоминанія и сдѣлать небольшую характеристику этого азіатскаго типа.

Ловкій, умный, смѣтливый, Саидъ-Азимъ - Муххамедъ-Баевъ началъ свою карьеру еще до прихода русскихъ. Происходя отъ рабовъ, онъ сперва и мечтать не смѣлъ о сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи, — ему невозможно было выдѣлиться изъ толпы мелкихъ торговцевъ; а душа его между тѣмъ жаждала почестей, богатства, славы, — она не уживалась съ посредственностью. Оставалось одно изъ двухъ: или на вѣкъ проститься со всякими розовыми мечтами и запрятаться въ какую-нибудь темную лавченку грязнаго ташкентскаго базара, или же властвовать надъ тѣмъ самымъ обществомъ, которое не хотѣло признать его достоинства и принять въ свою среду. Жребій былъ брошенъ.

Первыя усилія Саидъ-Азима были направлены къ тому чтобы выслужиться передъ ташкентскимъ бекомъ *) и съ его помощью сдѣлаться извѣстнымъ самому хану кокандскому; для этого были пущены въ ходъ всевозможныя средства, въ выборѣ которыхъ онъ не стѣснялся, — подкупъ, навѣты, доносы и т. п., все было хорошо для него, лишь-бы достиг-

нуть завѣтной цѣли. Такимъ образомъ, преодолевая всѣ препятствія, уничтожая всѣхъ противниковъ, постепенно поднимался онъ. Тогда-то поняли его сограждане, что напрасно презирали человѣка, который съ минуты на минуту изъ бѣднаго торговца могъ превратиться въ грознаго повелителя; они почувствовали на себѣ его силу и стали бояться; одни покорно подчинились его вліянію, другіе же, напротивъ, затаивъ свою злобу, стали въ сторонѣ, выжидая удобный случай, чтобы погубить его. Это не ускользнуло отъ прозорливости Саидъ-Азима и заставило его призадуматься. Въ среднеазіатскихъ независимыхъ ханствахъ фортуна до того измѣнчива, что человѣкъ, пользующійся, напримѣръ, самымъ почетнымъ, вполне обеспеченнымъ положеніемъ, никогда не можетъ поручиться за завтрашній день:—мигомъ, благодаря какому-нибудь доносу, безъ всякой основательной причины, онъ можетъ лишиться не только званія и имущества своего, но даже и жизни. Убѣдившись на опытѣ въ непостоянствѣ судьбы, предусмотрительный Саидъ-Азимъ принялся прискивать другой путь къ упроченію своего положенія.

Накопивъ кое-какія средства, онъ понемногу покинулъ административную дѣятельность и, точно судьба его подтолкнула, предался торговлѣ, но не мѣстной, которая не обѣщала большихъ прибылей, а виѣшной, представлявшей его предприимчивому уму болѣе обширное поприще. Войдя въ сношенія съ русскими торговцами, онъ быстро подвинулъ свои торговые обороты и не ограничился однимъ Туркестаномъ и его западными окраинами,—частенько можно было его встрѣтить даже и на нижегородской ярмаркѣ. Однако, несмотря на первоначальный успѣхъ, обѣщавшій много въ будущемъ, честолюбивый Саидъ-Азимъ не былъ въ состояніи удовольствоваться одною торговлею,—его натура стремилась къ болѣе многосторонней дѣятельности.

Тонкое чутье подсказало ему образъ дѣйствій, котораго ему слѣдовало придерживаться. Хотя и смутно, онъ все-таки догадывался,—какую важную, первостепенную роль придется въ недалекомъ будущемъ играть русскимъ въ Средней-Азіи. Какъ только русскія войска побѣдоносно вступили въ Туркестанскій край, Саидъ-Азимъ-Бай былъ первымъ, чтобы ихъ встрѣтить. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что русскіе охотно приняли его услуги: для начала этотъ человѣкъ могъ быть очень полезнымъ.

Правдой и неправдой получивъ доступъ къ нашимъ властямъ, Саидъ-Азимъ немедленно монополизировалъ себѣ это право. Онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы по возможности отстранить всѣхъ туземцевъ отъ администраціи и сдѣлаться передаточною, посредничающею инстанціею

*) Еще въ то время, когда Ташкентъ составлялъ отдѣльное бекство и зависѣлъ отъ кокандскаго хана.

между первыми и послѣднею,—чтобы помимо его ничто не творилось; однимъ словомъ, онъ умудрился убѣдить всѣхъ, что безъ него въ городѣ Ташкентѣ ничего нельзя предпринять и что онъ самый необходимый человѣкъ, безъ котораго шага нельзя сдѣлать, ни одной мѣры предпринять, никакого порядка устроить. Добившись этого результата и имѣя противъ всякихъ бѣдъ и напастей твердую, постоянную опору въ нашей администраціи, ему уже нетрудно было воспользоваться плодами своей ловкой политики.

Возбуждая противъ себя негодованіе, вполне справедливое, соотечественниковъ своихъ, Саидъ-Азимъ относился къ этому совершенно равнодушно; онъ зналъ, что его боялись и что онъ въ состояніи принудить къ смиренію каждаго, кто осмѣлился-бы открыто ему противодѣйствовать. Постепенно онъ приобрѣлъ такое громадное вліяніе, что туземное населеніе Ташкента стало считать его вторымъ лицомъ въ городѣ послѣ генераль-губернатора. Противниковъ своихъ Саидъ-Азимъ держалъ въ постоянномъ страхѣ, чему немало способствовали многочисленные его сторонники; сторонниками же его были: или раздѣлявшіе съ нимъ незаконно-приобрѣтаемыя выгоды, или получавшіе отъ него плату и подарки и служившіе ему послушными орудіями для достиженія его цѣлей, или же, наконецъ, принужденные подчиняться его требованіямъ изъ боязни гоненій.

Благодаря ловкости и изворотливости, Саидъ-Азимъ-Баю всегда удавались всѣ продѣлки, незаконность которыхъ оставалась скрытою отъ русскихъ. Послѣдніе были вполне убѣждены, что этотъ человѣкъ совершенно преданъ ихъ интересамъ. И въ самомъ дѣлѣ, истину было трудно открыть. Саидъ-Азимъ никогда не отказывался ни отъ какой благотворительности (даже въ пользу русскихъ), ни отъ одного пожертвованія, съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ принималъ у себя завоевателей, задавалъ въ честь ихъ пиры и празднества, никогда не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы оказать какую-нибудь услугу,—короче сказать, искусно пускалъ пыль въ глаза.

Въ дѣйствительности было совсѣмъ другое.

Передъ русскими и передъ своими соплеменниками Саидъ-Азимъ представлялъ изъ себя два совершенно различныхъ лица. Передъ русскими всегда покорный, ласковый, улыбающійся, предупреждающій малѣйшія желанія, готовый на всякую услугу. Можно было-бы подумать, что преданность его не остановится ни передъ какими жертвами. Въ средѣ же своихъ соотечественниковъ это былъ совсѣмъ другой че-

ловѣкъ: чрезвычайно высокомерный, повелительный, отдающій приказанія тономъ, нетерпящимъ противорѣчій, угрожающій наказаніемъ за всякое неповиновеніе, онъ походилъ скорѣе на независимаго хана ташкентскаго, чѣмъ на нашего подданнаго,—мы же были лишь его вѣрными помощниками, добрыми друзьями. Любопытно было посмотрѣть, когда онъ ѣхалъ по туземному городу: въ великолѣпномъ халатѣ, на отличной лошади, покрытой богатою попоною, важно подвигался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Встрѣчные обязаны были привѣтствовать его почтительными поклонами,—въ противномъ же случаѣ они подвергались замѣчаніямъ. Тамъ же, гдѣ было большое стеченіе народа, сателлиты его кричали: „Турунгъ-Бай-Каля“! т.-е. встаньте, господинъ ѣдетъ». Ни дать, ни взять, ханъ кокандскій или эмиръ бухарскій. Играя въ двойную игру, Саидъ-Азимъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выставить насъ въ черномъ свѣтѣ передъ туземцами, а себя выказать единственнымъ ихъ защитникомъ. Очень старательно поддерживалъ онъ въ своихъ соплеменникахъ убѣжденіе, что если-бы его не было, то всевозможныя бѣды непремѣнно обрушились-бы на нихъ, и что если ихъ щадятъ, то единственно по его милости, такъ какъ русскіе страшатся его вліянія въ туркестанскомъ краѣ.

Доискаться истины было тѣмъ труднѣе, что мусульмане, не довѣряя кяфирамъ *), клонились болѣе въ сторону своего единовѣрца. Азимъ-Бай росъ.

К—ъ.

(Окончаніе будетъ).

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

(Окончаніе).

Завидно было смотрѣть, съ какою увѣренностью Саидъ Азимъ-Бай распоряжался въ туземной части Ташкента, точно онъ имѣлъ на то законное право. Туземцы, въ особенности же должностныя лица, какъ-то: аксакалы ¹⁾, кази ²⁾, курбаши ³⁾ и др., обязаны были приходить къ нему на поклонъ съ приличными приношеніями. Несоблюдавшій этого и выказывавшій себя недоброжелателемъ правителя-самованца, преслѣдовался самымъ жестокимъ образомъ и погибалъ жертвою ложныхъ навѣтовъ, которые, къ несчастію, всегда достигали желаемой цѣли. Вліяніе Саидъ-Азима было до того сильно, что должностныя лица изъ туземцевъ избирались только по его указаніямъ, почему они большею частью и были его послушными слугами. Безъ посредничества Саидъ-Азима рѣдко какое дѣло обходилось; онъ вмѣшивался во все и по всѣмъ дѣламъ давалъ совѣты, получая за нихъ

¹⁾ Аксакаль—старшина: отъ словъ акъ—бѣлый и сакаль—борода.

²⁾ Кази—судья

³⁾ Курбашъ—полиціймейстеръ.

и плату, и подарки. Нужно-ли было какому нибудь сарту ¹⁾ удостовѣреніе о личности, или поручительство, обращались все къ тому же Саидъ-Азиму, безъ помощи котораго это было сопряжено съ большими затрудненіями. Почти ни одинъ подрядъ не обходился безъ Саидъ-Азима,—отъ каждаго онъ имѣлъ прибыль; а между тѣмъ бралъ онъ подряды самымъ плутовскимъ образомъ и о точности ихъ исполненія нисколько не заботился. Когда нужны были деньги, Саидъ-Азимъ не стѣснялся занимать ихъ у кого только хотѣлъ, но объ уплатѣ долговъ и не думалъ, вполне увѣренный, что кредиторы побоятся съ него взыскивать и, вооружась терпѣніемъ, будутъ ожидать, когда ему самому вздумается уплатить. Въ особенности Саидъ-Азимъ былъ мастеръ преслѣдовать своихъ враговъ; ложно обвинивъ кого нибудь, онъ тотчасъ представлялъ ложныхъ свидѣтелей, подкупалъ казіевъ, добывалъ фальшивые документы.

Въ доказательство всего сказаннаго можно бы привести множество примѣровъ самоуправства Саидъ-Азима; ограничимся на этотъ разъ однимъ наиболѣе выдающимся.

Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что населеніе Средней Азіи дѣлится на различныя племена, какъ-то: узбековъ, таджиковъ, киргизовъ, кара-киргизовъ и др.; но кромѣ этого дѣленія существуетъ еще другое—на „черную“ и „бѣлую“ кость. Подъ черною костью подразумѣваются низшіе слои средне-азиатскаго населенія. Къ бѣлой-же кости принадлежатъ тѣ мусульмане, которые отличаются знатностью своего происхожденія; къ послѣдней, между прочимъ, относятся всѣ ходжи²⁾. Ходжи считаютъ себя прямыми потомками знаменитыхъ халифовъ Али, Абубекра, Османа и Омара, и, гордясь своимъ родствомъ съ пророкомъ „Мохаммедомъ“ какъ блюстителемъ мусульманства, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ кяфирами-завоевателями; впрочемъ, и отъ черной кости они держатся далеко, такъ какъ сближеніе съ нею признаютъ великимъ для себя униженіемъ. Про ходжей говорятъ, что большинство изъ нихъ—суфій, т.-е. люди постоянно занимающіеся богословіемъ и придерживающіеся правила, „гушъ дярдымъ“³⁾, что значитъ—чтобы ни одного дыханія не было безъ мысли о Богѣ. Люди эти отличаются отъ другихъ мусульманъ примѣрною нравственностью, строгою жизнію, согласною съ закономъ Мохаммеда, и благотворительностью. Со времени владычества хана Кокандскаго Мохаммедъ-Али-Хана, въ Ташкентѣ пользовались наибольшими извѣстностью и уваженіемъ семейства трехъ ходжей: Ханъ-Тюря-Ишана, Юсуфъ-Ханъ-Ишана и Ишана-Вали⁴⁾. Эти ходжи на собственный счетъ построили большія медресе⁵⁾, въ которыхъ на своемъ иждивеніи содержали нѣсколько тысячъ учениковъ.

Избалованный судьбою, не встрѣчая болѣе затрудненій къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній, Саидъ-Азимъ-Бай не могъ равнодушно смотрѣть на ходжей, которые упорно отказывались отъ всякаго сближенія съ нимъ, ссылаясь на его низкое происхожденіе. Зная ихъ набожность, онъ сперва попытался склонить ихъ на свою сторону разными пожертвованіями въ пользу мечетей и училищъ, раздачею милостыни

¹⁾ Сартъ—городской житель.

²⁾ «Ходжей» не слѣдуетъ смѣшивать съ «хаджами». Названіе «хаджи» можетъ получить всякій, побывавшій въ Меккѣ.

³⁾ Слово въ слово—мысль надъ дыханіемъ.

⁴⁾ Всѣ трое считаются «ауліе», т.-е. святыми.

⁵⁾ Медресе—училище.

и т. п., потомъ даже выстроилъ на свой счетъ большую мечеть. Но это не подѣйствовало, — ходжи попрежнему относились къ нему съ презрѣніемъ и неприязнью; тогда онъ прибѣгнулъ къ разнаго рода угрозамъ, придиркамъ и преслѣдованіямъ, но и это ни къ чему не повело. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ усилій, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить гордость ходжей, почему и задумалъ гордиться съ ними, приготовившись, на случай отказа, прибѣгнуть даже къ насилію. Для выполненія своихъ замысловъ,

онъ обратилъ вниманіе на девятилѣтнюю Баби-Зайнябъ, дочь извѣстнаго Юсуфъ-Ханъ-Ишана, о которомъ мы только что говорили; дѣвочка эта по матери доводилась племянницею бывшему владѣтелю Кашгара, Якубъ-беку.

И вотъ онъ подсылаетъ къ ходжамъ одного богатаго ташкентца, по имени Абуль-Касимъ-Хана, съ предложеніемъ отдать ему девятилѣтняго ребенка въ жены, угрожая, въ случаѣ отказа, навлечь всевозможныя бѣды на ея родителей. Удивленные и вмѣстѣ съ тѣмъ взбѣшенные такою дерзостью, ходжи дали слѣдующій отвѣтъ:

„Каждому доброму правовѣрному должно быть извѣстно, что постановлено въ книгѣ «Гидаетъ-аль-бидая» ¹⁾, во второй части о бракѣ. Пророкъ Мохаммедъ сказалъ: да было-бы извѣстно, что безъ согласія отца или брата женщина не можетъ выйти замужъ; въ противномъ случаѣ долженъ быть совершенъ разводъ“. Саидъ-Азимъ вѣроятно забылъ, что при женитьбѣ требуется равенство происхожденій, а между тѣмъ, мусульмане происходятъ отъ разныхъ родовъ, изъ которыхъ одинъ выше другого. Мы-же, ходжи, какъ прямые потомки Мохаммеда, считаемся выше всѣхъ родовъ, принадлежимъ къ бѣлой кости, а потому никакъ не можемъ унизиться родствомъ съ черною костью, къ которой принадлежитъ Саидъ-Азимъ. Кромѣ того, наша дочь несовершеннолѣтняя, а Саидъ-Азиму подъ пятьдесятъ“.

Получивъ такой положительный отказъ, честолюбивый плебей еще болѣе озлился. Онъ считалъ себя чуть-ли не ханомъ Ташкентскимъ, и вдругъ какіе-нибудь ходжи осмѣливались не повиноваться ему! Чтобы наказать непокорныхъ, онъ приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ украсть дѣвочку; но ходжи были на-сторожѣ и похитители вернулись съ пустыми руками. Оставалось единственное средство, хитрость, къ которому и прибѣгнулъ Саидъ-Азимъ. Онъ подкупилъ судью Азимъ-Кази и поручилъ ему такъ оформить дѣло, чтобы имѣть законное право требовать дѣвочку къ себѣ. Азимъ-Кази назвался въ гости къ ходжамъ; припятый весьма радушно, онъ вывелъ изъ оказаннаго ему гостепріимства заключеніе, что ходжи согласны, почему немедленно и составилъ фальшивый риваятъ ²⁾, скрѣпивъ его печатами своею и муфтія ³⁾, будто родители дѣвочки согласны отдать ее въ жены Саидъ-Азиму. По этому подложному документу Саидъ-Азимъ сталъ требовать свою невѣсту; ходжи воспротивились и дѣло перешло на судъ русскихъ властей. Не зная ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ, ходжи выбрали своимъ повѣреннымъ одного очень почтеннаго и ученаго татарина; иначе борьба была-бы неровная. Русскіе ходжей не знали и, кромѣ того, повѣрили навѣтамъ Саидъ-Азима, который по-

¹⁾ Собрание мусульманскихъ законовъ.

²⁾ Риваятъ—рѣшеніе.

³⁾ Муфтіи—секретарь кази.

спѣшилъ выставить ихъ бунтовщиками и врагами русскихъ ¹⁾. Если бы не повѣренный (извѣстный ташкентскій житель Алимъ-Хаджи-Юнусовъ, получившій воспитаніе въ казанскомъ университетѣ), дѣло было бы непременно проиграно. Послѣ долгихъ споровъ состоялось, наконецъ, нелишенное оригинальности постановленіе: „Саидъ-Азиму въ искѣ отказать, дѣвочку, какъ несовершеннолѣтнюю, выдавать замужъ нельзя, по достиженіи же ею совершеннолѣтія предоставить ей выборъ жениха, а Саидъ-Азиму право свататься“. Потерпѣвъ неудачу, Саидъ-Азимъ обрушилъ весь свой гнѣвъ на повѣреннаго, добросовѣстно исполнившаго свою обязанность. Несчастный старикъ, не разъ доказавшій свою преданность Россіи ²⁾, былъ, вслѣдствіе взведенныхъ на него Саидъ-Азимомъ обвиненій, посаженъ въ тюрьму, а потомъ высланъ на цѣлый годъ въ Лепсинскую станицу ³⁾.

Примѣръ этотъ довольно наглядно доказываетъ, какъ было трудно бороться съ Саидъ-Азимомъ. Самые отважные изъ его противниковъ принуждены были присмирѣть и ожидать лучшаго времени, чтобы свергнуть ненавистное иго своего соотечественника. А между тѣмъ, Саидъ-Азиму этотъ страхъ былъ на-руку,—еще болѣе прежняго принялся онъ своевольничать и угнетать своихъ согражданъ; онъ дошелъ, наконецъ, до того, что не только пересталъ скрывать свои дѣйствія отъ русскихъ, но даже во многихъ дѣлахъ открыто явился ихъ конкурентомъ. Частенько стали доноситься до ушей нашихъ властей дерзкіе отзывы Саидъ-Азима о нашихъ порядкахъ, нашей слабости, о шаткости нашего положенія въ Туркестанскомъ краѣ и т. под. Однимъ словомъ, смѣлый авантюристъ бравировалъ; онъ былъ уже черезъ-чуръ увѣренъ въ своемъ могуществѣ, считая русскихъ лишь орудіемъ для достиженія его честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ,—чаша переполнилась. Нѣкоторымъ изъ русскихъ удалось подробно разузнать о подробностяхъ Саидъ-Азима и о томъ, въ какое неловкое и даже опасное положеніе онъ ставилъ насъ по отношенію къ туземному населенію и насколько вредно было для нашего авторитета его вліяніе. Когда истина начала понемногу обнаруживаться, враги Саидъ-Азима подняли головы и со всѣхъ сторонъ раздалась жалоба на его беззаконія. Русскіе спохватились наконецъ, но сдѣланную ошибку не легко было поправить, тѣмъ болѣе, что это набросило бы весьма неблагоприятную тѣнь на наше управленіе, поддавшееся, хотя и случайно, вліянію одного человѣка; сразу никакъ нельзя было отказаться отъ авантюриста. Поэтому прибѣгли къ слѣдующему средству: пріискали Саидъ-Азиму соперниковъ изъ туземцевъ, принадлежавшихъ къ лучшей части населенія.

Къ счастью нашему, въ этотъ разъ выборъ оказался удачнымъ: онъ палъ на людей болѣе достойныхъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Главнѣйшими были: Джура-Бекъ ¹⁾, Баба-Бекъ ²⁾ и другіе беки, потерявшіе свои владѣнія во время послѣдней войны нашей съ Бухарою. Люди эти откровенно ненавидѣли Саидъ-Азима, но они долго принуждены были молчать, такъ какъ опасались его преслѣдованій. Изъ нихъ всѣхъ одинъ Джура-Бекъ сохранилъ свою самостоятельность; почти во всемъ онъ являлся ярымъ противникомъ хитраго временщика. Но одинъ въ полѣ не воинъ, по этому Саидъ-Азимъ не обращалъ никакого вниманія на его ненависть. Но вотъ времена измѣнились и авторитетъ временщика подорвался въ конецъ. Джура-Бекъ и его единомышленники изъ отъявленныхъ враговъ нашихъ превратились вдругъ въ людей полезныхъ, преданныхъ нашимъ интересамъ, готовыхъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказать свою услужливость. Ихъ заслуги были достойнымъ образомъ оцѣнены: они выдвинулись на первый планъ, а Саидъ-Азимъ былъ отодвинутъ на второй. Замѣтивъ его паденіе, всѣ недовольные поднялись сразу и обвиненія за обвиненіями посыпались на него. Саидъ-Азиму поневолѣ пришлось притихнуть; онъ смирился и стушевался куда-то, разсѣялась и его партія. Но тѣмъ не менѣе память о его вліяніи, въ переходную эпоху, о его недюжинныхъ способностяхъ осталась въ преданіяхъ.

байкальской желѣзныхъ дорогахъ...

Припомнимъ, что писалось на этихъ страницахъ еще въ ноябрѣ прошлаго года (см. статью „Маги и волшебники“ путеискаго вѣдомства, въ № 250 „Спб. Вѣд.“ отъ 4 ноября 1908 г.) по поводу назначенія коммисіи подѣ предсѣдательствомъ старшаго инспектора М. А. Стржижевскаго для выясненія размѣра злоупотребленій и хищеній и виновныхъ въ нихъ на Ташкентской желѣзной дорогѣ, гдѣ на долю этого достойнаго представителя загадочнаго института желѣзнодорожной инспекціи выпала неблагодарная, въ сущности, гастроль ревизора худшаго сорта, такъ какъ ревизующій туркестанскую администрацію, сенаторъ графъ Паленъ, успѣлъ еще до пріѣзда г. Стржижевскаго натолкнуться на организованное расхищеніе желѣзнодорожныхъ грузовъ, въ которомъ обнаружено участіе уже 200 желѣзнодорожныхъ служащихъ, которымъ едва-ли удастся ускользнуть изъ рукъ строгаго ревизора-сенатора, безспорно серьезнаго и опытнаго юриста, а не дилеттанта въ судебно-слѣдственномъ дѣлѣ.

Вся безплодность ревизіонной дѣятельности г. старшаго инспектора Стржижевскаго на Ташкентской желѣзной дорогѣ теперь не только обнаруживается съ безспорною очевидностью, но и подтверждается съ полною наглядностью самымъ фактомъ новой командировки главнаго инспектора, т. с. А. Н. Горчакова, — съ особыми, впрочемъ, на этотъ разъ полномочіями — для производства повторной, въ сущности, ревизіи все на той же Ташкентской жел. дорогѣ.

Чего же ожидать на этотъ разъ отъ другого тоже не-юриста, т. с. А. Н. Горчакова, въ свое время производившаго подобныя же чрезвычайныя ревизіи и на Сибирской, и на Забайкальской желѣзныхъ дорогахъ, чудовищныя „панамы“ которыхъ и по-сейчасъ остаются не ликвидированными, какъ и знаменитая, многолѣтняя „хапченковская эпопея“ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ, главный герой которой, 6 ноября 1906 года отстраненный отъ должности начальника матеріальной службы и преданный затѣмъ суду, до сихъ поръ, однако, ускользаетъ изъ рукъ правосудія, благодушно проживая въ г. Казани, вмѣсто того, чтобы отбывать наказаніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ?.. Вѣдь, служебная „дѣятельность“ и этого „героя“ протекала на глазахъ у ревизующихъ инспекторовъ института желѣзнодорожной инспекціи, и

„хапченковская дровяная эпопея“ подвергалась въ два пріема разслѣдованію черезъ посредство особой междувѣдомственной коммисіи (подѣ предсѣдательствомъ инспектора управленія по сооруженію (?) желѣзныхъ дорогъ, инженера пут. сообщ. д. с. с. П. А. Толшина, назначеннаго для такой миссіи стараніями „ворожившей герою... бабушки“), и въ результатѣ: „герой“, несмотря на отдачу подѣ суду, — до сихъ поръ благодушествуетъ на свободѣ! Нашелся „магъ и волшебникъ“... „иже и скоты милуетъ“, когда это ему выгодно, и, присвоивъ себѣ право помилованія, выпустилъ гадину...

Какъ же послѣ всего этого не относиться подозрительно ко всѣмъ подобнымъ вѣдомственнымъ и даже междувѣдомственнымъ ревизіонно-слѣдственнымъ коммисіямъ съ какимъ-либо оберъ- или субъ-инспекторомъ не-юристомъ во главѣ? Какъ же не смотрѣть съ недовѣріемъ на этихъ ревизоровъ, не давшихъ никакихъ доказательствъ своего не только желанія, но и умѣнья проявить необходимую для успѣха дѣла ревизіи объективность и способность совершенно отрѣшиться отъ общности личныхъ и служебныхъ интересовъ съ ревизуемыми?...

Э.

Ташкентскій Хлестиковъ и генералъ Толмачевъ.

(Письмо въ редакцію).

Съ весны прошлаго года мусульманское населеніе Азіатской Россіи и Бухары, Хивы и Капгара взволновано небывалою по своимъ размѣрамъ грандіозною аферою, устроенною ташкентскимъ сартомъ Саидгани Сейдазимбаевымъ по эксплуатаціи паломничества мусульманъ въ священные города Мекку и Медину.

Въ свое время обращено было на это дѣло вниманіе, какъ столичной, такъ и провинціальной печати. Въ газетѣ „Ташкентскій Курьеръ“ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ обличительныхъ статей подѣ названіемъ „паломническая панاما“.

Какъ видно изъ этихъ свѣдѣній, названный Сейдазимбаевъ, пользуясь содѣй-

ствіемъ и покровительствомъ члена Гос. Думы г. Сыртланова, подъ благороднымъ предлогомъ защиты паломниковъ отъ эксплоатаціи въ пути слѣдованія ихъ въ Мекку, добился въ министерствѣ вн. дѣл. официального назначенія его руководителемъ паломническаго движенія мусульманъ. Онъ заручился отъ министерства вн. д. и путей сообщ. открытыми листами для оказанія ему всевозможнаго содѣйствія, а затѣмъ въ сопровожденіи того же члена Думы г. Сыртланова, онъ ѣдетъ въ Одессу и входитъ въ какое-то соглашеніе съ одесскимъ генералъ-губернаторомъ ген. Толмачевымъ. Результатомъ этого соглашенія явилось изданіе, на основаніи военнаго положенія, извѣстнаго обязательнаго постановленія ген. Толмачева, въ силу коего паломникамъ-мусульманамъ вменялось въ обязанность останавливаться въ г. Одессѣ только въ устроенномъ для нихъ г. Сейдазимбаевымъ «хаджи-ханѣ», воспрещалось отлучаться изъ «хаджи-ханѣ», безъ разрѣшенія хозяина этого учрежденія, и то не иначе, какъ въ сопровожденіи агентовъ послѣдняго—и входить въ общеніе съ посторонними людьми. Санитары «хаджи-ханѣ» (нанимаемые Сейдазимбаевымъ!) осматриваютъ паломниковъ и даютъ имъ разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе въ Мекку. Отправляютъ ихъ на пароходахъ опять-таки агенты Сейдазимбаева и т. д. и т. д. Все это сдѣлано было ген. Толмачевымъ въ нарушеніе установленныхъ закономъ правилъ въ цѣляхъ яко бы огражденія г. Одессы отъ занесенія холеры, между тѣмъ, какъ всѣмъ и каждому было извѣстно, что паломники слѣдуютъ изъ вполне благополучныхъ по холерѣ мѣстностей!..

Результаты всего этого не заставили себя долго ждать. Запныгали повсюду агенты Сейдазимбаева, устраивая дѣятельную облаву на паломниковъ по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ Европейской и Азіатской Россіи при содѣйствіи мѣстной полиціи и администраціи. Паломники, сотнями и тысячами попадая подъ официальную опеку г. Сейдазимбаева, становились безпомощными жертвами беззастѣнливой эксплоатаціи

агентовъ этого предпринимателя, набранныхъ имъ изъ разнаго рода сброда. Поощряемые въ пути елико возможно, паломники неизбѣжно попадали въ «изоляціонно-дезинфекціонную камеру «Сейдазимбаева и К^о» въ Одессѣ, именуемую въ толмачевскомъ обязательномъ постановленіи «хаджи-ханѣ», откуда они выпроваживались лишь послѣ того, какъ они надлежащимъ образомъ были «продезинфицированы» г. Сейдазимбаевымъ.

Какъ производилась эта «дезинфекція» паломниковъ, мы знаемъ, какъ изъ газетныхъ сообщеній, такъ и жалобъ самихъ паломниковъ, поданныхъ ими правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По рассказамъ вернувшихся хаджей (паломниковъ) г. Сейдазимбаевъ вытворялъ съ ними невѣроятныя вещи: выдерживалъ онъ многихъ въ хаджи-ханѣ по цѣлымъ недѣлямъ, заставляя ихъ платить огромныя деньги за суточное «содержаніе». Паломникамъ дозволялось производить покупки не иначе, какъ черезъ агентовъ хаджи-ханѣ. Отъ паломниковъ требовалась покупка билетовъ по морю непременно въ оба пути по высшему классу, причемъ Сейдазимбаевъ обязывалъ ихъ ѣхать только на пароходахъ общества Добровольнаго флота, которое избрало его, Сейдазимбаева, своимъ генеральнымъ агентомъ, и платило ему за такую услугу по 15% со стоимости проѣзда каждаго паломника. Словомъ, грозное толмачевское обязательное постановленіе, влекущее для ослушника весьма тяжкія послѣдствія (арестъ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 3000 руб.), примѣнялось Сейдазимбаевымъ къ паломникамъ по всей его строгости и помогало предприимчивому сарту туго набить карманы. Особеннымъ вниманіемъ г. Сейдазимбаева къ этомъ отношеніи пользовались киргизы, узбеки и кашгарцы, какъ люди болѣе простодушные и невѣжественные.

Если принять въ расчетъ, что г. Сейдазимбаевъ выдерживалъ каждаго изъ паломниковъ въ своей «дезинфекціонной камерѣ»

въ среднемъ не менѣе 3 сутокъ, взимая за суточное «содержаніе» отъ 3 до 5 руб., и что черезъ эту «камеру» пропущено паломниковъ за этотъ годъ въ оба пути минимумъ 20,000 человекъ, и если къ этому еще добавить тѣ 15 проц., какіе онъ получалъ отъ Добровольнаго флота по нотаріальному договору, то легко можно себя представить, какую услугу оказалъ ген. Толмачевъ г. Сейдазимбаеву въ переводѣ ея на звонкую монету.

Съ января мѣсяца сего года Сейдазимбаевъ со своей походной канцеляріей снова на- дитъ въ Петербургъ и работаетъ для реабилитированія себя въ глазахъ правительства и удержанія въ своихъ рукахъ столь выгоднаго для него и для многихъ другихъ предпріятія на прежнихъ началахъ.

Что же это за господинъ?

Кто же не знаетъ въ Туркестанѣ «Саидгани»? Его всѣ знаютъ и, что поразительнѣе всего, поголовно всѣ совершенно одинаковаго о немъ мнѣнія!

Это человекъ лѣтъ сорока: всегда изящно одѣтый и съ барскими замашками. Онъ развѣзень, недурно владѣетъ русскимъ языкомъ, хотя лишенъ всякаго образованія. Рысаки, брилліанты, дорогіе духи, бархатный, шитый золотомъ кафтанъ, множество медалей и ка-

кіе-то никому невѣдомые звѣзды и ордена, чуть ли не испанскіе и португальскіе, — вотъ его нехитрыя орудія, мистифицирующія простыхъ людей. Біографія этого субъекта такъ же хорошо извѣстна всѣмъ въ Туркестанѣ: она въ общемъ не сложна и однообразна. Онъ — сынъ ташкентскаго сарта, разбогатѣвшаго интендантскими подрядами. Рано потерявъ отца и ставъ обладателемъ чуть ли не миллионнаго состоянія, юный Саидгани бросается въ омутъ веселья. Онъ любимый гость цирка, театральнахъ кулисахъ и уборныхъ. Не проходитъ и десятка лѣтъ, какъ отъ колоссальнаго отцовскаго состоянія остается одно лишь воспоминаніе. Пробыетъ онъ, по примѣру отца, заняться интендантскими подрядами, — но Богъ помогъ ему счастливо выйти изъ этого дѣла, въ то вре-

мя, когда его партнеры по интендантству одинъ за другимъ попадаютъ въ арестантскія отдѣленія.

Далѣе открываетъ онъ сначала въ Ташкентѣ, а затѣмъ въ Самаркандѣ «справочную контору по найму прислуги», причемъ въ Самаркандѣ какимъ-то образомъ удается ему заполучить отъ губернатора М. удостовѣреніе, что будетъ издано по Самаркандской области обязательное постановленіе о томъ, чтобы всѣ рабочіе и домашняя прислуга въ области обязаны были получать изъ конторы Сейдазимбаева расчетныя книжки по 1 р. за книжку. Но губернатору своевременно указали на невозможность такого обязательнаго постановленія, и контора г. Сейдазимбаева въ Самаркандѣ, по примѣру ташкентской, превращается просто-на-просто въ консулѣцію подпольной адвокатуры по разнымъ дѣламъ. Участъ этихъ двухъ «конторъ» Сейдазимбаева вполне тождественна. Затѣмъ г. Сейдазимбаевъ перебрасываетъ свою «дѣятельность» въ третью область, Ферганскую: тутъ онъ занимается «операціями» по вексельнымъ взысканіямъ и, послѣдовательно переходя изъ одного города въ другой, наконецъ, совершенно покидаетъ Фергану, предоставивъ своимъ «клиентамъ» и служащимъ распродавать съ молотка жалкіе остатки его квартирной обстановки. Такимъ образомъ, проживъ почти во всѣхъ городахъ Туркестана и оставляя ихъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться, неутомимый Сейдгани пробуетъ искать счастья и въ Закаспійской области (въ Асхабадѣ), а въ 1907 г. всплываетъ въ Оренбургъ уже въ качествѣ желѣзнодорожнаго подрядчика по нагрузкѣ и выгрузкѣ вагоновъ Ташкентской жел. дороги. Успѣвъ до открытія хищеній на этой дорогѣ перепродать кому-то свой подрядъ тысячъ за 15, г. Сейдазимбаевъ появляется въ самомъ Петербургѣ и, какъ мы знаемъ, онъ великолѣпно разыгрываетъ здѣсь свою новую роль благодѣтеля паломниковъ-мусульманъ.

Если къ сказанному добавить, что г. Сейдазимбаевъ еще въ бытность свою въ Туркестанѣ затѣвалъ безрезультатную, впрочемъ, переписку съ содержателями московскихъ и

петербургскихъ увеселительныхъ, въ родѣ «Акваріума», заведеній объ устройствѣ артистическаго турнэ по Евр. Россіи съ сартоками «мальчиками-плясунами» (бачи) съ національной музыкой, то, полагаемъ,—до известной степени станетъ ясно—кого министерство вн. дѣлъ думаетъ назначить официальнымъ руководителемъ священнаго дѣла паломничества мусульманъ.

Мусульманинъ.

По Туркестану.

(Изъ забытыхъ тетрадей).

II.

Когда я въ 1891 году впервые прибылъ въ совершенно невѣдомый мнѣ Туркестанскій край, мнѣ все, рѣшительно все, казалось тамъ новымъ и чуждымъ, и невольно присматривался я ко всѣмъ сторонамъ мѣстной жизни, столь отличной отъ знакомыхъ мнѣ условій жизни городовъ средней полосы европейской Россіи.

Меня поразило почти полное отсутствіе знакомства представителей мѣстной администрации съ туземными языками. Лишь очень немногіе представители власти знали хотя бы одинъ изъ мѣстныхъ языковъ, и невѣжество ихъ, особенно наиболѣе высокопоставленныхъ, доходило до того, что относительно бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ барона Вревскаго ходили легенды, что онъ долгое время смѣшивалъ слова „аксакалъ“ и „саксауль“, изъ которыхъ первое означаетъ „старшина“ (буквальный переводъ—сѣдобородый), а второе—особый видъ растенія, произ-

растающаго въ песчаныхъ степяхъ.

Кстати, небольшое отступленіе въ сторону отъ темы сегодняшняго очерка. На это отступленіе наводитъ меня именно слово „саксауль“.

Когда генералъ Анненковъ, строитель закаспійской желѣзной дороги, проводилъ эту линію по закаспійскимъ степямъ, на

нужды дороги въ изобиліи расходовался саксауль; и когда полоса дороги была оголена отъ растительности, строители обратили вниманіе на то, что оголенные пески, образующіе огромные „барханы“,—переносные песчаные бугры,—мѣстами засыпаютъ желѣзнодорожный путь и лежащія селенія. Это обстоятельство не могло не остановить на себѣ вниманіе строителей, рѣшено было одного изъ чиновъ командировать за границу для изученія способовъ борьбы съ переносными песками и ознакомленія съ тѣми растеніями, которыя употребляются тамъ для закрѣпленія песчаныхъ пустынь.

Сказано—сдѣлано. Горный инженеръ отправился въ путь; путешествовалъ довольно долго, былъ въ Египтѣ, Сахарѣ, Алжирѣ, и, наконецъ, возвратился и принесъ весьма цѣнное и „дорогое“ свѣдѣніе, что наилучшимъ средствомъ для борьбы съ песками является засадка ихъ особымъ растеніемъ, хорошо укореняющимся въ пескахъ и крайне неприхотливымъ, и это растеніе называется... саксауль. Послѣ такого цѣннаго открытія, стоившаго казнѣ нѣсколько тысячъ рублей, вдоль линіи закаспійской желѣзной дороги начали разводить питомники саксаула, а дальше въ глубинѣ закаспійской степи рубить богатые заросли того же самаго саксаула и обнажать пески для дальнѣйшаго ихъ движенія. Молва виновникомъ открытія способа борьбы съ песками называла одного горнаго инженера, имя котораго въ настоящее время фигурируетъ въ числѣ лицъ, отрѣшенныхъ сенаторомъ Паленомъ отъ должностей.

Но это между прочимъ.

Итакъ, знаніе туземныхъ языковъ не было удѣломъ нашихъ администраторовъ добраго стараго времени, какъ далеко не всѣ имѣющіе соприкосновеніе съ туземнымъ населеніемъ теперь административные, судебные и иные чины владѣютъ возможностью объясняться съ тѣми, интересы которыхъ имъ, этимъ всяческимъ